

**«...Даже ад человек
хочет понять...»**

«По законам логики нас судить нельзя.
Бухгалтеры! Поймите же! Нас можно
судить только по законам религии. Веры!»

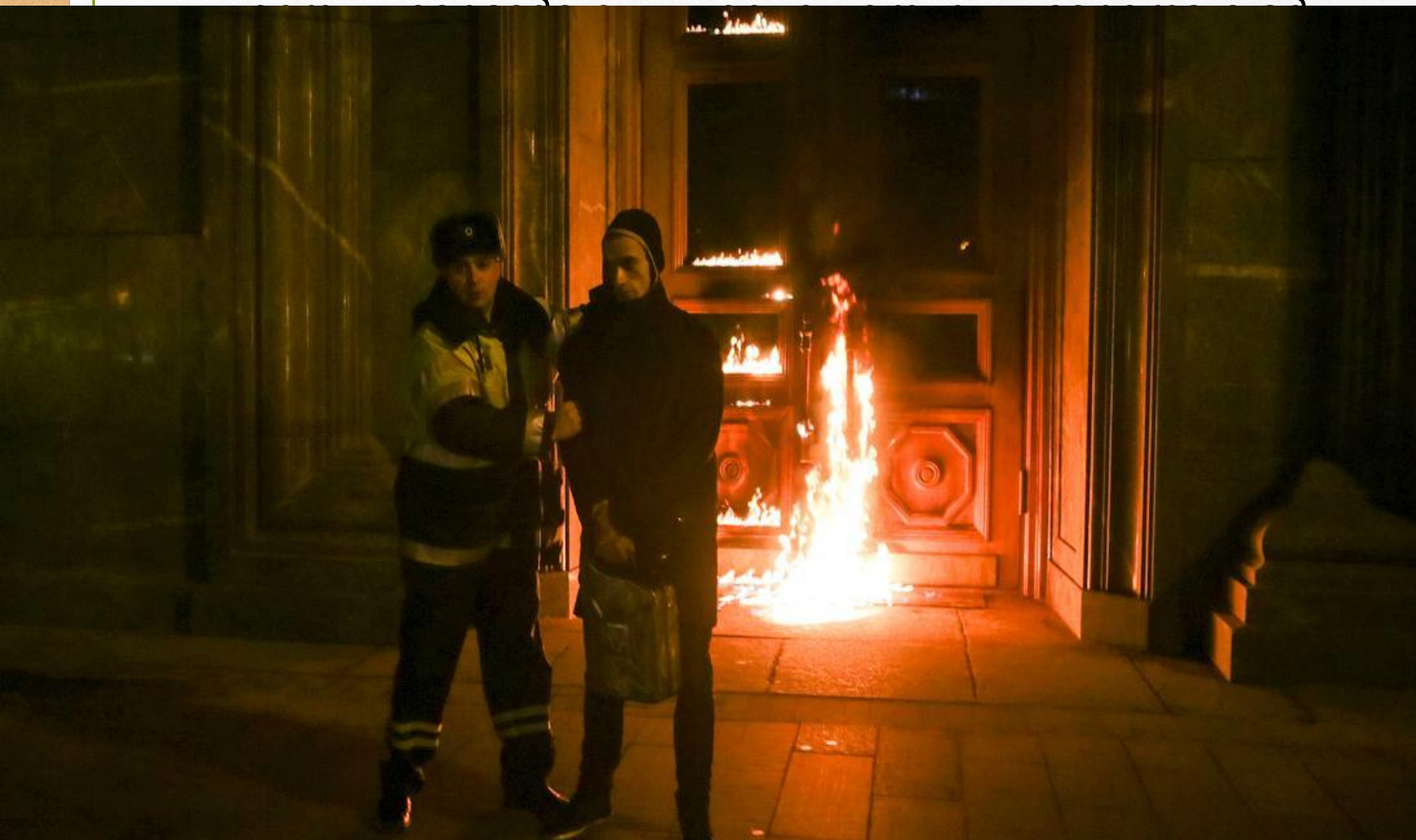
Священник.

**- Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной!...
...Когда бы стариков и жен моленья
Не освятили общей, смертной ямы —
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.**

Несколько голосов.

**Он мастерски об аде говорит!
Ступай, старик! ступай своей дорогой!**

«мы ведь понимаем, что здесь художественный

Мне больно, но это – мое. Я никуда от него не бегу... Не могу сказать, что я все приняла, благодарна за боль, тут нужно какое-то другое слово. Сейчас я его не найду. Знаю, что в этом состоянии я далеко от всех. Я одна. **Взять страдание в свои руки, обладать им полностью и выйти из него, что-то оттуда вынести. Это такая победа, только в этом есть смысл. Ты не с пустыми руками... А иначе зачем было спускаться в ад?**

*У кого истина? Я так понимаю, что истину ищут специально обученные люди: судьи, ученые, священники. Остальные все во власти своих амбиций... эмоций... (Пауза.) Я читал ваши книги... **Зря вы так доверяете человеку... человеческой правде... История – это жизнь идей. Не люди пишут, а время пишет. А человеческая правда – это гвоздь, на который каждый вешает свою шляпу.***

Доминанты коллективных травматических нарративов

- Власть слова
- Неразличимость жертвы и палача
- Нарратив жалобы и страдания как интегратор сообществ утраты
- Модель отрицания катастрофы – от официального нарратива до индивидуального – потому, что «никто не виноват» с чувством, что виноват «кто-то из своих же»
- Травма и компенсация

Тела детей рассказывают истории их родителей

- «Не знаю дня своего рождения... и даже года... Все у меня приблизительное. Не нашла никаких документов. **Я есть, и меня нет. Не помню ничего и помню все.** Я думаю, что мама уезжала беременная мной. Почему? Меня всегда волнуют паровозные гудки... и запах шпал... и плач людей на станциях... Могу ехать хорошим, фирменным поездом, но прогрохочет рядом товарняк, и у меня слезы. Не в силах видеть вагоны для скота, слышать рев животных... Нас увозили в этих вагонах. Меня еще не было. И я была. У меня в снах нет лиц... сюжетов... все мои видения из звуков... запахов...»

Нелокализуемость травмы

- Трансгенерационная передача травматического опыта и его последствий внутри семей – это очень для меня важная тема, я столько раз, начиная распутывать клубок с чего-то, казалось бы, вовсе далекого, натыкалась именно на это.
- Не зная этого исторического контекста, не понимая, через что пришлось пройти целым поколениям, с российскими семьями работать невозможно, это мое глубокое профессиональное убеждение.
- <http://spektr.press/ne-molchi-posttravmaticheskij-sindromom-nacionalnogo-masshtaba/>

- Начинаем разговор с молодой приемной мамой, которая жалуется на непонятную ей самой неприязнь к долгожданному малышу, такому вроде славному, нуждающемуся в ее любви. Она все для него делает, а сама не чувствует ничего, кроме тоски, долга, безнадежности и страха осуждения. И вот, не всегда, но довольно часто, перебрав все, лежащее ближе к поверхности..., мы утыкаемся в всплывающее «вдруг» воспоминание о семейной истории, когда-то слышанной в детстве. Про бабушку этой сегодняшней мамы, младшую из нескольких детей, оставшуюся без матери вскоре после рождения. Отец женился почти сразу на молодой девушке, чтобы за детьми было кому смотреть. А тут начался голод. Большой голод. Отец умер, кто-то из детей тоже, кого-то из старших успели приткнуть учиться в ФЗУ, а младшую мачеха каким-то образом вывезла в город и там оставила на вокзале – в три года. Потом детдом, где ее через десять лет нашел кто-то из выживших старших. Историю в семье рассказывали с осуждением — «своего бы не оставила». А когда мы вспоминаем эту историю сейчас и думаем, каково было этой самой мачехе, у сегодняшней благополучной молодой женщины слезы потоком – и она узнает все свои чувства: тоску, обреченность, долг спасти чужого ребенка, и никакой любви и радости материнства, а вслед – только осуждение. Неосознанный, непринятый, похороненный в семейной памяти на долгие годы опыт всплывает в ответ на некое сходство ситуации – приемный младенец на руках – и подчиняет себе сегодняшние чувства.

Травма как онемение и замалчивание. Специфика коллективности

- «Советское время... У Слова был священный, магический статус. И по инерции на интеллигентских кухнях еще говорили о Пастернаке, варили суп, не выпуская из рук Астафьева и Быкова, **но жизнь все время доказывала, что это уже неважно. Слова ничего не значат.** В девяносто первом... Мы положили нашу маму в больницу с тяжелой пневмонией, и она вернулась оттуда героиней, у нее рот там не закрывался. Рассказывала о Сталине, об убийстве Кирова, о Бухарине... Ее готовы были слушать день и ночь. Люди тогда хотели, чтобы им открыли глаза. А недавно она снова попала в больницу, и сколько там была, столько молчала. Лет пять прошло всего-то, и реальность уже распределила роли иначе. Героиней на этот раз была жена крупного бизнесмена... Онемели все от ее рассказов... Какой у нее дом – триста квадратных метров! Сколько прислуги: кухарка, нянька, водитель, садовник... Отдыхать с мужем ездят в Европу... Музеи – понятно, а бутики... Бутики! Одно кольцо столько-то карат, а другое... А подвески... золотые клипсы... Полный аншлаг! О ГУЛАГе или о чем-то таком ни слова. Ну было и было. Что теперь спорить со стариками?

Травма как онемение и замалчивание. Специфика коллективности

- Я раба слова... я слову верю абсолютно... Всегда жду слов от человека, и от незнакомого человека тоже, от незнакомого даже больше жду. На незнакомого человека еще можно надеяться. Как будто и самой хочется сказать... и я решаюсь... Готова. **Когда я начинаю кому-то рассказывать, потом на том месте, о котором я говорила, я ничего уже не нахожу. Там пустота, я теряю эти воспоминания. Там мгновенно – дыра. И нужно долго ждать, чтобы они вернулись. Поэтому я молчу. Я все обрабатываю в себе. Ходы, лабиринты, норки...**

Травма как онемение и замалчивание. Специфика коллективности

- — А разве мы не живем в стране неотмененного рабства? Разве мы свободны? Крепостное право и архипелаг ГУЛАГ растворились в России, они внутри, их не выблевали, не выкинули, не вытравили — и они постепенно заразили собой всех. Сейчас даже пытаются сформулировать для нужд власти новое отношение к крепостному праву, что это был такой тип общественного договора. Как Фирс в «Вишневом саде» говорил: «это перед несчастьем было». Отношение к свободе как к «несчастью»... Свободу как ценность у нас так и не приняли, за нее не боролись, ее почти всегда в России дарили сверху. После 1991 года все подумали, что хаос есть свобода, и решили, что такой свободы нам не надо. Все это печальные темы, думать про это грустно...
- <http://www.colta.ru/articles/theatre/5194>

Травма как онемение и замалчивание. Специфика коллективности

- Много людей в церквях на службе стоит. Верующих глубоко мало, большинство страдающих. Как вот и я... с травмой... Я не по канону верю, а по сердцу. Молитв не знаю, а молюсь... Батюшка у нас – бывший офицер, все про армию проповеди читает, про атомную бомбу. Про врагов России и масонские заговоры. **А я других слов хочу, совсем других слов... Не этих. А кругом только эти... Много ненависти... Нет места, где можно душой приткнуться.**

Травма как онемение и замалчивание. Специфика коллективности

- – У нас уговор – не затрагивать эти темы. Не делать друг другу больно. А когда-то мы спорили, рвали отношения. Годами не разговаривали друг с другом. Но это прошло.
- – Теперь говорим только о детях и внуках. Что у кого на даче растет.
- – Соберутся наши друзья... Тоже ни слова о политике. Каждый своим путем пришел к этому. Живем вместе: господа и товарищи. «Белые» и «красные». Но никто уже не хочет стрелять. Хватит крови.

Дискурсивный паралич

- Ищу язык. У человека много языков: язык, на котором разговаривают с детьми, еще один, это тот, на котором говорят в любви... А еще есть язык, на котором мы говорим сами с собой, ведем внутренние разговоры. На улице, на работе, в путешествиях – везде звучит что-то другое, меняются не только слова, но и что-то еще. Даже утром и вечером человек говорит по-разному. А то, что происходит ночью между двумя людьми, совершенно исчезает из истории. **Мы имеем дело только с историей дневного человека. Самоубийство – ночная тема, человек находится на границе бытия и небытия. Сна. Я хочу это понять с дотошностью дневного человека.**

Дискурсивный паралич

- – Нет... нет, это невозможно... невозможно для меня. Я думала, когда-нибудь... кому-нибудь расскажу... но не сейчас... Не сейчас. Все у меня под запретом, замуровала, заштукатурила. Вот... Под саркофагом... накрыла все саркофагом... там уже пожара нет, но какая-то реакция идет. Какие-то кристаллы образуются. Я боюсь тронуть. Боюсь...

Противоречие нарративным традициям

- В эволюции фрейдовской мысли можно проследить, как из «провала» в символической структуре («несвязная история») травма превращается в структурирующий принцип («навязчивое повторение»)
- Символическая неоформляемость травмы усиливается ее несовместимостью с нарративными традициями и смысловыми конвенциями, ориентированными на упорядоченность опыта и связность его репрезентации. **Сложившиеся повествовательные традиции не в состоянии вместить (и не в состоянии выразить) травматический опыт.** Проблема, таким образом, будет видеться не в том, что в памяти «обнаружились» провалы. Проблема в том, что в памяти не находится места для «архивации» воспоминаний подобного рода

Нарративный разрыв

- Из выступлений Горбачева исчезли знакомые каждому советскому человеку слова: «происки международного империализма», «ответный удар», «заокеанские воротилы»... Все это он вычеркивал. Были у него только «враги гласности» и «враги перестройки». У себя в кабинете матерился (мастак был!) и называл их мудаками. *(Пауза.)* «Дилетант», «русский Ганди»... Не самое обидное из того, что носилось в кремлевских коридорах. «Старые зубры», конечно, в шоке, чуяли беду: сам утонет, и всех потопит. Для Америки мы – «империя зла», нам угрожают крестовым походом... «звездными войнами»... А наш главнокомандующий вроде буддистского монаха: «мир как общий дом», «перемены без насилия и крови», «война больше не является продолжением политики» и т. д.

Травма как сюжет для переосмысления прошлого

- В отличие от травмы как утраты травма как сюжет является не только поводом для переосмысления утраченного прошлого: травма задает здесь общую систему повествовательных координат. Специфические ситуации жертв или очевидцев приобретают статус авторских позиций, с точки зрения которых репрезентируется прошлое и воспринимается настоящее. В этом варианте посттравматического состояния «пост» является не показателем преодоления происшедшего («пост» как «после»), но свидетельством его непреодолимости: **биография и идентичность оказываются невозможными вне истории о пережитой травме**

Травма как сюжет для переосмысления прошлого

- Все время говорим о страдании... Это наш путь познания. Западные люди кажутся нам наивными, потому что они не страдают, как мы, у них есть лекарство от любого прыщика. Зато мы сидели в лагерях, в войну землю трупами завалили, голыми руками гребли ядерное топливо в Чернобыле... И теперь мы сидим на обломках социализма. Как после войны. Мы такие тертые, мы такие битые. У нас свой язык... Язык страдания
- Пробовал заговорить об этом со своими студентами... Смеялись мне в лицо: “Мы не хотим страдать. Для нас жизнь – это что-то другое”. Ничего еще не поняли о нашем недавнем мире, а живем в новом. Целая цивилизация – на свалке...

Сообщества утраты

- «За что я должен каяться?» Каждый чувствовал себя жертвой, но не соучастником
- После Сталина у нас другое отношение к крови... Помним, как свои убивали своих... И про массовые убийства людей, которые не знали, за что их убивают... Это осталось, это присутствует в нашей жизни. **Мы выросли среди палачей и жертв... Для нас нормально – жить вместе. Нет границы между мирным и военным состоянием. Всегда война.** Включишь телевизор – все ботают по фене: и политики, и бизнесмены, и президент: откаты, взятки, распилы... Человеческая жизнь – плюнуть и растереть. Как в зоне...

Сообщества утраты

- Понимаете, не существует химически чистого зла... Это не только Сталин и Берия... Это и дядя Юра, и красивая тетя Оля...
- А тут Сталин попросил: «Братья и сестры...». Поверили ему. Простили. И Гитлера победили! А Гитлер в броне к нам пришел... в железе... Все равно победили! А теперь – кто я? Мы? Электорат... Я телевизор смотрю. Новости не пропускаю... Теперь мы – электорат.

Сообщества утраты

- Господа либералы отрабатывают свою пайку. **Хотят, чтобы мы свое прошлое считали черной дырой. Я их всех ненавижу: горбачева, шеварнадзе, яковлева, – напишите с маленькой буквы, так я их ненавижу. Я не хочу в Америку, я хочу в СССР...**

Сообщества утраты

- Мама все покупала (тогда говорили не “покупала”, а “доставала”) и складывала на черный день... Теперь мы ходим по рынкам и магазинам, как по выставкам – всего навалом. Хочется себя побаловать, пожалеть. **Это психотерапия... мы все больны...** (*Задумалась.*) Как же надо было настрадаться, чтобы спичками так запастись. У меня язык не поворачивается назвать это мещанством. Вещизмом. Это лечение... (*Молчит.*) Чем дальше, тем меньше про путч вспоминают. Стали стесняться. Чувства победы уже нет. Потому как... я не хотела, чтобы уничтожалось советское государство. Как мы его разрушали! С радостью! А я половину своей жизни прожила там... Это нельзя взять и вычеркнуть...

Сообщества утраты

- **Это – я! Моя память... Я ее никому не отдам – ни коммунистам, ни демократам, ни брокерам. Она – моя! Только моя! Я без всего могу обойтись: мне не надо много денег, дорогой еды и модной одежды... шикарной машины... Мы на своих «Жигулях» объехали весь Союз: я увидела Карелию... озеро Севан... и Памир. Это все была моя Родина. Моя Родина – СССР. Я без многого могу прожить. Не могу только без того, что было.**

Сообщества утраты

- **Жизнь мало помню, помню только работу. Имею два ордена и три инфаркта.**
- «Поймите: нам не страшен только человек раскаявшийся, человек разрушившийся».
- ...Я как-то подумал: социализм не решает проблему смерти. Старости. Метафизического смысла жизни. Проходит мимо. Только в религии есть ответы на это. Да-а-а... В тридцать седьмом меня бы за такие разговоры...

Сообщества утраты

- Во Второй мировой войне мы победили... Третью мировую проиграли...
- **Только советский человек может понять советского человека. Другому бы я рассказывать не стал...**

Сообщества утраты

- Выступавшие говорили в мегафон. Начинали они свои выступления нормальными словами – и простые люди, и известные политики. Через пару минут нормальных слов уже никому не хватало, и тогда начинали крыть матом. «Да мы этих мудаков...» И мат! Хороший русский мат! «Кончилось их время...» И – великий, могучий русский язык! Мат как боевой клич. И это было понятно всем. Соответствовало моменту. Минуты такого подъема! Такой силы! Старых слов не хватало, а новые еще не родились...

Неразличимость жертвы и палача

- ... Я не хочу покаяния, я хочу, чтобы мы, по крайней мере, посмотрели на свое прошлое. Вы знаете, как трудно народу посмотреть на свое прошлое?. Наше страдание самое большое. Все мы страдаем. Евреев убили, а нас ссылали. Кто больше жертва? Друзья говорят: «Почему ты про евреев пишешь? Коммунисты же нас ссылали в Сибирь!» Я говорю: «Хорошо, может быть, надо бы было поменяться местами? Евреев бы ссылали, а нас бы убивали?» «Нет, — говорят, — не надо так». И вдруг кто-то приходит и говорит: «А выживание — это еще не всё». Вспомните, что мы делали для того, чтобы выжить? **Самое страшное, что я поняла, когда писала эту книгу — слаб человек. Не было никакой моральной дилеммы, убить или спасти. Все приспособлялись понемножку. Всё с человеком проходит понемножку.**
- <http://open-lib.ru/dialogues/vanagaiteparkhomenko>

Неразличимость жертвы и палача

- ... А те обыкновенные ребята, которые стреляли евреев, сначала пошли в литовскую армию. Им дали охранять какой-то завод, потом аэропорт, потом какую-то синагогу, где коммунистов собрали. Некоторым коммунистам было девяносто лет, некоторым полгода. Вот таки коммунисты-евреи. Их надо было конвоировать, все они оказались у ямы. И вы знаете, как эти люди, которые убивали евреев, потом в своих признаниях говорили? Обреченные. Не коммунисты, не советские граждане, а обреченные. «Я стою у ямы, и если не я его расстреляю, так другой расстреляет. В конце концов, я лица его не вижу, он ко мне спиной. Я потом пойду в церковь, и ксендз мне скажет «Все правильно, они же коммунисты». Это не были выродки, это были обыкновенные ребята.
- Сейчас, когда я в любое место иду и вижу охранника, я думаю: «А вот этот охранник, если бы его поставили охранять кого-нибудь другого, у него были бы моральные проблемы? Ведь он долг свой выполняет». **И вся мораль книги — это то, что мы не считаем убийц своими. Они же чужие, они же убийцы, они же грязь, мразь. И евреи — тоже грязь-мразь, тоже не наши. А правда в том, что и те, и другие — они свои, они наши. И это очень трудно признать.**

Утрата как интегратор сообщества

- Повод гордиться травмой: чувство облегчения, что не пострадал и что «мы не виноваты»
- Нарратив травмы как интегратора общества
- http://m.tvrain.ru/teleshov/vechernee_shou/cto_nam_delat_s_kollektivnoj_travmoj_posle_aviakatastrofy-397474/ «Что нам делать с коллективной травмой после авиакатастрофы. И почему все так ждали успокоения от Путина» 1:25 и 2:16

-
- Я пошел к Белому дому вместе с родителями. Папа сказал: «Пойдем. А то колбасы и хороших книг не будет никогда»
 - Самые сильные и агрессивные занялись бизнесом. О Ленине и Сталине забыли. Так мы спаслись от гражданской войны, а то опять бы были “белые” и “красные”. “Наши” – “не наши”. Вместо крови – вещи... Жизнь! Выбрали красивую жизнь. Никто не хотел красиво умирать, все хотели красиво жить. Другое дело, что пряников на всех не хватило...»

-
- Может, они хотели что-то хорошее сделать, но им не хватило сострадания к собственному народу.
 - Как-то быстро стало стыдно быть бедным...»
 - Страшно стало, поэтому народ и пошел в храмы. Когда я верил в коммунизм, мне не нужна была церковь. А жена моя ходит со мной из-за того, что в церкви батюшка говорит ей: “Голубушка”»

-
- Вы думаете, что страна развалилась, потому что узнали правду о ГУЛАГе? Так думают те, кто книги пишет. А человек... нормальный человек историей не живет, он живет проще: влюбился, женился, дети родились. Дом построил. Страна пропала из-за дефицита женских сапог и туалетной бумаги, из-за того, что апельсинов не было. Этих джинсов проклятых!
 - Там живут победители. Гражданской войны вроде как не было, а победители есть. Там они – за каменным забором.

-
- Если ты сидишь в закрытом лифте, то мечтаешь об одном – чтобы лифт открылся. У тебя счастье, когда его открыли. Эйфория! Ты не думаешь о том, что ты сейчас должен что-то делать... ты наконец дышишь полной грудью... Ты уже счастлив! Моя подруга вышла замуж за француза, он работал в московском посольстве. И вот он все время от нее слышал: посмотри, мол, какая у нас, у русских, энергия. «Ты мне объясни, для чего эта энергия?» – спрашивал он у нее. Ни она, ни я не могли ничего ему объяснить. Я ему так и отвечала: бьет энергия – и все.
 - На самом деле, никто из нас не жил в СССР, каждый жил в своем круге. Круг туристов, круг альпинистов...

-
- Как в тридцать седьмом году был план... разверстка... по «выявлению и выкорчевке врагов народа», так в восьмидесятые годы по районам и областям спускали цифры по реабилитации. План надо было выполнить и перевыполнить. Стиль сталинский: совещания, накачки, выговоры. Давай-давай...
 - Весь народ был к этому не готов. Никто не мечтал о капитализме, про себя точно скажу, что я не мечтала... Мне нравился социализм. Это были уже брежневские годы... вегетарианские... Людоедских лет я не застала.

Память тела как компенсация «утраты»

- **Но Ленин... он показался мне светящимся...** Маленькая, я маму убеждала: «Мама, я никогда не умру». – «Почему ты так думаешь? – спрашивала мама. – Все умирают. Даже Ленин умер». Даже Ленин... Я не знаю, как мне обо всем рассказать... А мне надо... я хочу. Я хотела бы говорить... говорить, но не знаю с кем. О чем? О том, как мы были потрясающе счастливы! Сейчас я в этом абсолютно убеждена. Росли нищими и наивными, но об этом не догадывались и никому не завидовали.

Память тела как компенсация утраты

- **Вы должны спросить, как это сочеталось: наше счастье и то, что за кем-то приходили ночью, кого-то забирали? Кто-то исчезал, кто-то рыдал за дверью. Я этого почему-то не помню. Не помню!** А помню, как цвела весной сирень, и массовые гуляния, деревянные тротуары, нагретые солнцем. Запах солнца. Ослепительные парады физкультурников и сплетенные из живых человеческих тел и цветов имена на Красной площади: Ленин – Сталин. Я и маме задавала этот вопрос...

Искусство памяти «утраты»

- Вы замечали? Ну да, конечно... Зачем спрашивать? Мы все в этом выросли... Искусство любит смерть, а наше особенно ее любит. **Культ жертвы и гибели у нас в крови. Жизнь на разрыв аорты.** «Эх, русский народец, не любит умирать своей смертью!» – писал Гоголь. И Высоцкий пел: «Хоть немного еще постою на краю...». На краю! Искусство любит смерть, но существует французская комедия. Почему же у нас почти нет комедий? «Вперед за Родину!», «Родина или смерть!». Я учила своих учеников: светя другим, сгораю сам. Учила подвигу Данко, который вырвал из груди свое сердце и освещал им путь другим людям. О жизни мы не говорили... мало говорили... Герой! Герой! Герой! Жизнь состояла из героев... жертв и палачей... Других людей не было.

-
- Т. В. Адорно. **После Освенцима**//Адорно Т. В. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003, с. 322-333.
http://ec-dejavu.ru/o/After_Osvencim.html
 - Джеффри Александер. Смыслы социальной жизни: культурсоциология.
Dzheffri_Alexander_Smysly_sotsialnoy_zhizni.pdf
С.95-342